Как в Израиле отменяли идиш

На одном из спектаклей театра «Идишпиль»

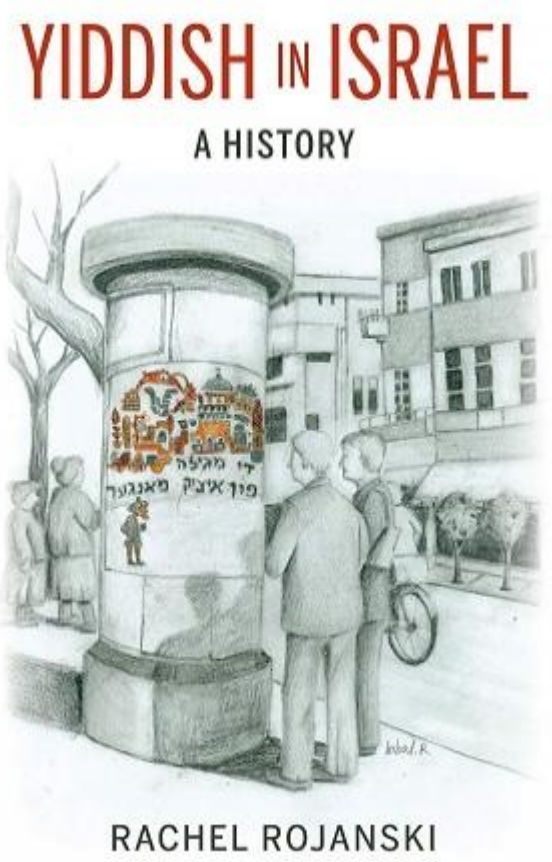
В воскресенье, 18-го июля 1948 года редактор коммунистической газеты «Коль ха-Ам» Меир Вильнер явился в военкомат по ул. Калишер в Тель-Авиве для несения воинской службы. На рутинный вопрос, какие языки он знает, Вильнер ответил: иврит, польский, немецкий и идиш. Офицер заявил, что идиш — не язык. Вильнер возмутился, но ему возразили, что издан приказ верховного командования: идиш — не язык. Ивритские газеты отнеслись к инциденту без удивления, мол, идиш — наследие галута (диаспоры), и в новом государстве ему нет места.

Я слышал эту историю много раз, а вот продолжения не знал. Шмуэль Микунис, представлявший компартию в Законодательном собрании (предшественнице Кнессета) подал запрос главе правительства Бен-Гуриону. Тот ответил, что приказа такого нет, и он разыщет и накажет виновника самоуправства. Однако тот же Бен-Гурион несколькими годами ранее публично возмущался произнесенной на идише на сионистской конференции речью подпольщицы из Варшавского гетто Ружки Корчак, мол, зачем нам здесь иностранный язык?

Более четверти века в Израиле я так или иначе был связан с активистами идиша и идишкайта. В их рассуждениях красной нитью проходила мысль об уничтожении идиша сионистским истеблишментом. Помню, как плодовитый публицист, редактор и исследователь Ицик Луден говорил всем, кто был готов слушать, что Израиль убил идиш.

Сегодня, когда все эти критики ушли в лучший из миров, «Израиль», наконец, решил ответить. Обвинения опровергает израильская исследовательница Рахель Рожански в своей книге «Идиш в Израиле. История» (Yiddish in Israel. A History by Rachel Rojanski), изданной в Университете Индианы. Автор подчеркивает, что ее «выводы категорически противоречат заявлениям идишских активистов о якобы намеренной антиидишской политике в Израиле». Рожански два десятилетия добросовестно интервьюировала всех ведущих активистов идиша и членов их семей, но отметает их свидетельства, как предвзятые, предпочитая опираться на официальные документы, в которых нет приказа о запрете этого языка.

Рахель Рожански и ее книга Yiddish in Israel. A History

Приведенные в книге многочисленные документы демонстрируют, как большие начальники, правительственные комитеты и общественные комиссии отменяли идиш; как власти дискриминировали, оскорбляли и ограничивали деятельность идишских театров и прессы; как опускался престиж языка и культуры европейских евреев; как сам идиш в Израиле подвергался гонениям и опасности запрета. Действительно, не существует декретов, запрещавших идиш в Израиле. Но они и не были нужны. В книге множество документов, свидетельствующих, что идиш в Израиле отменили с помощью государственной гегемонии во всех сферах жизни.

Для объяснения происходившего Рожански несколько раз обращается к теории престижа Антонио Грамши. Грамши интересовало, как и почему народы принимают язык и культуру, как функционируют механизмы, мирным путем устанавливающие культурную гегемонию победившего пролетариата. Грамши изучал необыкновенно эффективную деятельность иезуитов. Например, в Украине в XV — XVI вв. никто насильно не вводил католицизм. Иезуиты просто основали сеть университетов, куда стало престижно отправлять отпрысков украинской православной шляхты. Сто лет спустя украинцы оказались практически без своей элиты. Украинские магнаты, гордые княжеские роды, потомки Рюриковичей оказались ополяченными в лоне римско-католической церкви. Продолжение известно — кровавая гражданская война, известная как Хмельнитчина, трагическая потеря украинской автономии и крах Речи Посполитой.

В книге Рахель Рожански множество документов, официальных писем и протоколов. Они дышат ненавистью к идишу, к культуре ашкеназских евреев. Гегемон здесь — сами ашкеназы, зелоты, обуреваемые идеологией отрицания своего прошлого, еврейского местечка. Рожански находит более или менее убедительные объяснения, мол, молодая сионистская культура опасалась конкурировать со старой идишской.

Израильские плакаты, призывающие говорить на иврите

Но объяснить можно и политику Евсекции (создание новой национальности советских евреев). И даже советский государственный антисемитизм (после Холокоста евреи больше не отвечали сталинскому определению национальности, а после образования Израиля и вовсе стали иностранной национальностью, вроде немцев, поляков или корейцев, и их надо было ассимилировать). Можно найти внутреннюю логику в любой политике в истории человечества.

Разумеется, Израиль — не сталинский СССР (а я слышал от заслуженных идишистов и куда более обидные сравнения). Факт, что еврейское местечко было неразрывно связано с идишем, вовсе не означает, что крах местечкового уклада означал и крах идишистской культуры. Наоборот, еврейская культура создавалась в больших городах и всегда была европейской городской культурой. Идиш уходил в города вместе с евреями. Лишь осуществление фашистских и коммунистических проектов подрезало корни культуры еврейского народа. Сионизм «отменил» идиш и помог подтолкнуть его дальше в пропасть.

В последние десятилетия различные феномены контркультуры обращались к идишу, как ультимативной культуре преследуемого меньшинства. Рожански отказывается считать идиш в Израиле культурой меньшинства. Действительно, носители идиша принадлежали к господствующему в то время большинству по всем социоэкономическим параметрам. В еврейском государстве они имели все основания рассчитывать на уважение к своей еврейской идентичности.

Сионистское государство строило свою идентичность вокруг иврита. Лидеры еврейского ишува в Палестине видели себя защитниками молодой национальной идентичности меньшинства. Они считали, что им грозит глобальная идишская культура с литературой мирового класса, с активной прессой и общественной жизнью. Идиш до Холокоста был культурой подавляющего большинства еврейского народа (11-12 миллионов из 16-ти). Когда читаешь тексты того времени, явно ощущаешь тревогу, которую часть украинских элит испытывает сегодня по отношению к русскому языку и украинской двуязычной идентичности.

Первый еврейский город в новейшей истории - Тель-Авив, 1930-е

Идиш отменяли в угоду экстремистской идеее шлилат а-галут (отрицания диаспоры). Две тысячи лет истории «между Танахом и Пальмахом» (фраза писателя Йорама Канюка) считались вредными и подлежащими забвению. В этой парадигме культуре на идише и других еврейских языках (ладино, иудейско-арабском, бухарском и др.) было «приказано исчезнуть». По современным понятиям, тон сионистской пропаганды вплоть до конца 1970-х можно запросто назвать антисемитским.

Уже в 1970-е в Израиле осознали, что политика «плавильного котла» оказалась несостоятельной. Тогда были приняты меры для поддержки идиша. Но было уже поздно. Идиш не могли вернуть ни субсидированные литературные журналы, на которые мейстрим не обращал внимания; ни пышные всемирные конгрессы идиша с участием главы правительства и обильным угощением (я сам бывал на нескольких); ни бюрократическое творчество Государственного управления по делам идиша; ни введение идиша в программу нескольких школ, как второго иностранного (!) языка; ни крупные литературные премии (премия им. Мангера была крупнейшей в стране). Эти меры принимались не ради идиша, а ради абсорбции идишистов-иммигрантов из СССР. Еще больше, ради асбары — пропаганды сионизма и имиджа Израиля, как центра еврейской культуры.

Как все еврейские истории, история идиша в Израиле состоит из парадоксов. Политики, воротившие нос от идиша, санкционировали издание партийных газет на этом языке, хорошо понимая электоральный потенциал выходцев из Восточной Европы.

Единственный проект, доживший до сегодняшнего дня — кафедра идиша в Еврейском университете в Иерусалиме. Ее пытались создать еще в 1920-е, но проект наткнулся на ожесточенное сопротивление. Кто-то из профессоров даже заявил, что идиш в университете — это словно распятие в Храме (Еврейский университет в ранней сионистской пропаганде часто сравнивался с возрожденным Иерусалимским храмом). В 1950-е атмосфера смягчилась, но кафедра стала возможной, поскольку американские евреи профинансировали проект. Однако, мировой центр идиша, создать, очевидно, не получилось, если книга израильтянки Рахель Рожански вышла не на иврите в Израиле, а по-английски в Америке.

В книге рассказывается о том, как идиш лишался престижа, опускался в глазах общественного мнения, изображался местечковым. Идишский театр — не просто шмальц (так называл народный театр и классик идишской литературы И. Л. Перец) но и шанда (позор). В книге несколько раз упоминается шанда, описывается презрение ивритских элит к «темным» зрителям, «приходивших в театр (им. Гольдфадена) целыми семьями с корзинами еды… не способных отличить Шолом-Алейхема от Шолома Аша, зато наизусть знавших все песни, которые они пели вместе с артистами».

Шимон Джиган и Исраэль Шумахер. Фото Давида Рубингера, Музей Эрец Исраэль

Ицик Мангер

Много внимания автор уделяет и разделению идишской культуры на низкую и высокую. К элитной относились несколько лучше, поскольку сионистское руководство состояло из людей европейской культуры. Гордость от причастности к творению нового еврея была круто замешана на ощущении культурной провинции, один из критиков назвал этих деятелей «чертой оседлости во дворянстве».

В Израиль охотно приглашали звезд еврейской сцены, известных идишских писателей и поэтов, и даже поощряли их создать здесь репертуарный театр в надежде, что со временем, вместе с другими «новыми репатриантами» они перейдут на иврит.

Немногочисленные истории успеха идишских артистов демонстрируют ошибочность деления культуры на высокую и низкую. Сатирический дуэт Шимона Джигана и Исраэля Шумахера был хорошо известен еще до войны. Их театр-кабаре в довоенной Лодзи пользовался бешеным успехом. Они умело сочетали еврейский народный юмор свадебных шутов-бадханов с традициями русского модернистского театра и европейского политического кабаре. В 1957-м, пройдя советские лагеря, послевоенную Польшу и Аргентину, они осели в Израиле. Шумахер умер через три года, а Дзиган выступал еще два десятилетия, пользуясь неизменным успехом.

Поразительна история постановки «А мегиле» на стихи Ицика Мангера. Единственный раз в истории, когда ивритский репертуарный театр поставил идишскую пьесу на идише. Постановку 1965 года посмотрело 250 тысяч человек (в стране с населением в 2,5 миллиона).

Постановка была осуществлена артистической семьей Бурштейнов, известных еще в довоенной Польше, в сотрудничестве с двумя «образцовыми сабрами» Хаимом Хефером и Даном Бен Амоцем — эталоном подражания для целого поколения в Израиле.

В идишской журналистике пробовал себя и Ури Авнери, которого я однажды назвал «последним саброй». Он пробовал издавать идишский перевод своего радикального журнала «Ха-олам ха-Зэ», но быстро понял, что идишский читатель нуждается не в переводах ивритской прессы, а в качественной оригинальной журналистике.

לעצטע נייעס

אומפאַרטייאישע צייטונג
פאַר ווירטשאפט
פאַליטיק און קולטור
רעדאַקטאָר: מ. צאַנין

רח' הרכבת 52, תל־אביב ת.ד. 28026 טעל. 370011 פאקסימיליה 5371921	נומ. 11.314 (42־טער יאָרגאַנג)	מאנטיק 24־טער יוני 1991 י"ב תמוז תשנ"א	פריז 2.10 ש"ח (אין אילת 1.78)

Шапка газеты «Лейце найес»

Рожански называет идишскую прессу «сердцем идишской культуры». Ее главный герой — Мордкэ (Мордехай) Цанин, многолетний редактор крупнейшей газеты на идише «Лейце найес», автор идиш-ивритских словарей и т.д. Мне посчастливилось попасть на чествование его столетия в тель-авивском доме писателей им. Левика (см. эссе «Слишком правый, слишком левый, слишком мертвый идиш»). Однако созданная им газета к тому времени уже 30 лет была куплена партией Мапам, а другое свое популярное издание «Иллюстрирер вохблат» он давно закрыл, написав в последнем выпуске статью со знаменательным названием «Корбн фун цайт» («Жертва времени»).

Куда более показательна история бесстрашного бундовского издания «Лебнс фрагн», где резали всех священных коров. Журнал этот под редакцией Ицика Лудена перешагнул в XXI век, не теряя качества и полемического задора.

В книге есть много упоминаний коммунистических изданий на идише, но обойдена вниманием интереснейшая история коммунистического идишизма. Отсутствует в книге и советский идишизм (проект Арона Вергелиса вокруг журнала «Советише Геймланд»), незримо присутствовавшего как главный конкурент израильского идишизма. В отличие от журнала «Голдене кейт», который так и не выполнил обещания «открыть новую главу идишской литературы» и подготовить смену, Вергелис не только подготовил блестящую плеяду идишистов, но сумел обеспечить их заработком.

Вопреки сионистской мифологии, до создания государства идиш был широко распространен в Израиле. После провозглашения независимости в страну приехали более четверти миллиона уцелевших в Холокосте евреев, говоривших на идише. Идишская культура могла бы стать интегральной частью израильской идентичности, если бы иммигрантам позволили бы развивать свою сеть образования, как это позволили ультраортодоксам. В «Истории» Рожански не нашлось места рассказу об искоренении идиша в системе образования; о разделении детей в детсадах, чтобы не говорили на идише; об учениках, которых штрафовали за беседу на «иностранном языке».

Сцена из спектакля театра «Идишпиль»

Существует обширная мифология о том, почему Бен-Гурион пошел на соглашение с харедим о статусе кво. Однако никакой политической подоплеки в этом не было. Ультраортодоксы тогда не участвовали в израильской политике. Бен-Гурион сам вспоминал, что встретился с их лидерами уже после того, как принял решение не вмешиваться в жизнь их общин, не призывать в армию студентов иешив и не принимать мер, ставивших под угрозу существование а идише ойлем — мира Торы, уничтоженного Холокостом. Политические проблемы с харедим начались только в 1970-х. На заре государства сионисты, очевидно, просто решили сохранить их, как Скандинавия — лапландцев.

Историю всегда пишут победители, но потом она дополняется историями побежденных, и тех, кто вообще не хотел быть вовлеченным в водоворот истории. Никто не запрещал идиш декретами. Идиш отменили люди, верившие в миф прогресса, отрицающий ценность истории в угоду полезной политике памяти. Они искали простые ответы на сложные вопросы, отринув опыт людей, в течение 2000 лет формировавших еврейский народ и создававших сложные системы еврейской цивилизации. Тем самым они лишили себя понимания системы, в которой живут. Отказываясь от многоязычия — одной из основ еврейской идентичности, выбирая рак иврит (только иврит), пытаясь плавить многокультурную еврейскую цивилизацию, отцы современного Израиля обрекли свое государство на абсорбцию в левантийскую стихию Ближнего Востока. Они были глухи к аргументам и не придали значения личной симпатии к маме-лошн. Некоторые пожалели об этом, о чем замечательно рассказывает последняя глава книги, посвященная успеху театра «Идишпиль» в 1990-х годах. Но было уже поздно. Идишу было сказано OK, как нынешние воители новой этики самоуверенно отменяют своих реальных и воображаемых врагов: «OK, бумер».

Михаэль Дорфман, специально для «Хадашот»

Автор выражает благодарность проф. Анне Штерншис (директор Центра еврейских студий Торонто), Елене Носенко-Штейн (Институт востоковедения РАН), а также друзьям в Израиле, Украине, США и Канаде, и библиотекарю CIPU Жанетт Ковальски, оказавшей содействие в поиске редких изданий.